

УДК 82-145 (470)''18''

СПЕЦИФИКА РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ XIX ВЕКА: ОТ ЛЮБОМУДРОВ К ВЛ. СОЛОВЬЁВУ

© 2017 г.

Н.Г. Юрина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск

makarova-ng@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.01.2016

Статья посвящена анализу феномена русской философской лирики XIX столетия. Рассматриваются её принципы на этапе формирования и их преломление в лирике ведущего поэта-философа последней четверти XIX века В.С. Соловьёва. Проанализирован литературный материал, автор приходит к выводам, что, во-первых, философская лирика имеет принципиальные отличия от философствующей (философской в узком смысле); во-вторых, что литературное явление философской лирики оформилось в отечественной словесности в 1820–1830-е годы и было связано с поэтической деятельностью Любомудров; в-третьих, что яркими образцами художественного философствования стали произведения поэта-философа Ф.И. Тютчева и философа-поэта В.С. Соловьёва, наконец, что творчество последнего автора, во многом расширившего жанровый и тематический диапазон лирики предшественников, явилось переходным между поэтическими и метафизическими раздумьями в поэзии XIX и XX веков. Исследование выполнено на основе сравнительно-исторического и типологического методов.

Ключевые слова: философская лирика, философствующая лирика, поэты-любомудры, В.С. Соловьёв, Ф.И. Тютчев, поэтическая традиция.

Одной из определяющих черт русской литературы конца XIX – начала XX века, связанных с историческими, культурными и духовными изменениями в обществе, была философичность. Под влиянием традиций Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, отражая потребность эпохи «рубежа» в подведении итогов и обобщениях, поэты и писатели говорили о личном и текущем с точки зрения неких универсальных начал и истин; конкретное и частное накладывалось на эпохальное, общечеловеческое, бытийное. Усиление философичности проявилось уже в лирике позднего А.А. Фета, К.К. Случевского, позже эта черта станет определяющей для поэтических миров Д.С. Мережковского, Н. Минского, И.Ф. Анненского, З.Н. Гиппиус, В.И. Иванова и др. Чтобы осмыслить сущность данного литературного явления рубежа XIX – XX веков, необходимо понять его истоки и логику развития на протяжении предшествующих десятилетий.

Пожалуй, самым ярким представителем русской философской лирики последней четверти XIX столетия был В.С. Соловьёв. Для большей части его поэтических произведений была характерна философская основа – базовый комплекс идей, сложившихся у автора в завершённые концепции любви, природы, человека, космоса. В этом смысле совершенно справедлива оценка К.В. Мочульского, который определил Соловьёва как «поэта в философии и философа в поэзии» [1, с. 202], и свидетельство В.В. Роза-

нова, писавшего, что его поэзия – это метафизика¹.

В сфере пристального внимания российских и зарубежных литературоведов поэтическое наследие Соловьёва находится лишь несколько десятилетий. Первостепенными направлениями в его изучении стали проблемы тематики и поэтики, литературных традиций, эстетического и нравственного идеала, влияния на последующую лирику. Глубокий анализ поэзии Соловьёва предложили Ж.И. Лахтина, З.Г. Минц, Д.М. Магомедова², однако их исследования затрагивают не все важные аспекты, связанные с творческой деятельностью этого автора. Один из таких мало изученных аспектов – природа философской лирики Соловьёва. Осмысление этой проблемы важно для уточнения самого понятия «философская лирика» и для понимания места поэзии Соловьёва, соединившей творческие эксперименты Любомудров с философскими исканиями стихотворцев Серебряного века, в истории отечественной литературы.

Поэтические традиции в творчестве Соловьёва исследовались неоднократно³, но, во-первых, речь шла, как правило, об одних и тех же именах предшественников, связанных с линией «чистого» искусства (Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, Я.П. Полонский, А.К. Толстой), во-вторых, проблема поднималась в связи с другими ключевыми аспектами, а потому рассматривалась поверхностно, попутно; в-третьих, она не соотносилась именно с философским пластом в поэ-

тическом наследии Соловьёва (выявлялись заимствованные образы, близость поэтического языка, отдельных стилевых черт, но практически не изучалась перекличка философских идей и концепций, а также приёмов их художественного воплощения). Не претендуя на исчерпанность данной проблемы, рассмотрим сущность самого явления философской лирики в отечественной литературе и особенности преломления её исходных принципов в поэтической практике В.С. Соловьёва.

Термин «философская лирика»⁴ в российском литературоведении имеет, по крайней мере, два значения. С одной стороны, так обозначают тематическую группу стихотворных произведений, разрабатывающих метафизические проблемы жизни и смерти, смысла человеческого существования, взаимоотношений человека и Бога, природы мироздания, исторического движения человеческой цивилизации к заданной Всевышним цели и т. д. С другой стороны, этот термин соотносят непосредственно с философской поэзией, которая отразила те или иные философские системы или концепции. В первом значении можно говорить о философской составляющей лирики практически у каждого крупного поэта, так или иначе выходящего на осмысление высшего назначения человека или человечества. В этом смысле следует признать поэтами-философами Г.Р. Державина с его одой «Бог», В.А. Жуковского с его элегиями, М.Ю. Лермонтова с многочисленными вариантами «Демона», А.С. Пушкина с его медитативно-философскими стихотворениями «Воспоминание», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «Дар напрасный, дар случайный...». Для рубежа XIX–XX веков было характерно понимание философской лирики именно в подобном значении, о чём красноречиво свидетельствует, например, письмо П.П. Перцова к В.Я. Брюсову от 10 августа 1895 года, в котором адресант сообщал о намерении выпустить сборник «Философские мотивы русской поэзии» и в качестве авторов-поэтов называл А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, Ф.И. Тютчева, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского, А.А. Фета, А.К. Толстого, Н.П. Огарёва, А.Н. Апухтина, А.А. Голенищева-Кутузова. П.П. Перцов, в частности, писал: «Относительно...идеи, Вы, вероятно, не найдёте её ложной... Аксиома, что каждый поэт есть философ в прямом смысле этого слова – вероятно, признаётся Вами?» (цит. по [2, с. 125]). Очевидно, если расширять границы философской лирики с учётом подобного её понимания, то, в зависимости от индивидуальных особенностей и тематических пристрастий, философские вкрапления в

поэтическом мире каждого из художников слова будут иметь свои черты, а их вариации будут разрастаться до бесконечности.

В современных исследованиях понятия философской и философичной лирики часто понимаются как аналогичные⁵. Мы будем исходить из того, что философичность лирики может способствовать появлению глубочайших по своему философскому смыслу произведений, однако такое содержание не позволяет автоматически воспринимать их как философские⁶. Примечательно, что Е.А. Маймин, специалист в области феномена философской лирики, писал в своё время об А.С. Пушкине: «К философской поэзии Пушкин шёл своими особыми путями и философские задачи решал сугубо по-своему: не только иначе, чем любомудры, но и противоположно им» [3, с. 109]. Пушкинские философские стихотворения, действительно, имеют лишь внешнее сходство с произведениями любомудров. В них тот же высокий язык, патетический пафос, ночные мотивы и психологизм, но внутренняя сторона его поэзии мысли иная: она связана с иным методом художественного познания и изображения жизни. По словам учёного, «в стихотворении Пушкина мысль согрета чувством, она вся в движении, живёт и воздействует», а у современных ему поэтов-философов она «предшествует акту творчества, внутренне...неподвижна...лишена всей полноты жизни» [3, с. 112].

Нам представляется, что граница между «философской» и «философичной» лирикой должна быть проведена не только более точно, но и более тонко. С одной стороны, разумеется, нельзя считать каждого более или менее значимого поэта поэтом-философом на том основании, что хоть однажды он вышел на философскую проблематику: любой человек и тем более художник имеет оригинальное мирозерцание, собственный взгляд на мир, так или иначе организованные. С другой стороны, непосредственное проникновение философских идей в сферу художественного творчества, так сказать, художественное иллюстрирование той или иной философской мысли перечёркивало бы всякую поэзию как таковую. Обнажённый интеллектуализм, не подкреплённый художественно, безусловно, враждебен лирике. В этом смысле Е.А. Маймин очень точно сравнил в своё время перевод философских идей на язык поэзии с переводом из одной системы в другую, из одного «измерения» в другое. «Когда это делается на языке настоящей поэзии, – писал учёный, – это выглядит не как след влияния, а как открытие нового: открытие поэтическое и открытие в области мысли. Ибо мысль, выраженная поэтиче-

ски, никогда не бывает адекватной тому, чем она была или была бы вне законченного поэтического целого» [4, с. 184].

Первыми поэтами-мыслителями в русской литературе обычно называют Г.Р. Державина и Е.А. Баратынского⁷, стихи которых не только затрагивали важнейшие вопросы бытия человека (жизнь и смерть, человек и природа, движение истории, цель искусства и др.), но и часто выстраивались как последовательная цепь размышлений, подкреплённых определёнными аргументами, анализом той или иной ситуации. Художественный мир Е.А. Баратынского определили, по мнению С.В. Рудаковой, «раздумья автора о вечном противостоянии чувства и мысли, что мучили его на протяжении всей жизни» [5, с. 276]. Однако нельзя не учитывать, что философская лирика на русской почве утвердилась далеко не сразу. Литературная критика часто выражала сомнения в том, что рассуждение может быть элементом лирики. Так, например, И.С. Аксаков говорил об ущербной неполноте поэтической стихии у Е.А. Баратынского вследствие наличия у него «голых» мыслей, обнажённых рассуждений⁸. В этом отношении он противопоставлял Е.А. Баратынскому Ф.И. Тютчева, но и тютчевская философская лирика была понята и принята не вдруг. Примечательно, что её сокровенный смысл смог открыть читательскому сообществу только В.С. Соловьёв, поэт близкий по своим творческим принципам⁹. Именно он «подчеркнул философский аспект лирики Тютчева, определяющий специфику художественного мира этого поэта», отметил его «прозрения... относительно вечных вопросов жизни природы, любви, судьбы России, обратил внимание на его образы-символы» [6, с. 144] и во многом повлиял на отношение символистов к этому автору как к своему непосредственному предшественнику.

Сознательное сближение философии и поэзии в России впервые было предпринято в эстетике Любомудров. В середине 1820-х годов они поставили перед собой задачу создать новое искусство, которое было бы подчинено философии. В подобной необходимости В.Ф. Одоевский видел веяние времени: «У древних во время младенчества рода человеческого Философия произрастала на поле Поэзии и была как бы чуждым, случайным на нём растением; наш век, век возмужалости; в наше время Поэзия есть, кажется, случайное растение; оно произрастает не свободно, не от внутренней деятельности, но от внешних усилий. Не нашему ли веку досталось в удел преимущественно поприще Любомудрия» [7, с. 172–173]. Сближению искусства с философией способствовали солидарные с В.Ф.

Одоевским Д.В. Веневитинов, С.П. Шевырёв, А.С. Хомяков. Д.В. Веневитинов в статье «О состоянии просвещения в России» дал философскому направлению в отечественной поэзии теоретическое обоснование: «Чувство только порождает мысль, которая развивается в борьбе и тогда уже, снова обратившись в чувство, является в произведении. И потому истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения» [8, с. 212]. Полемизируя с Н.А. Полевым по поводу «Евгения Онегина», он вновь подчёркивал: «Не забываем ли мы, что в пиитике должно быть основание положительное, что всякая наука положительная заимствует свою силу из философии, что и поэзия неразлучна с философией?» [9, с. 186].

В результате в русской литературной жизни 20–30-х годов XIX века возникло явление философской лирики, которое выражалось не только в том, что поэтическая практика ряда авторов стала полностью соответствовать идее соединения лирики и мыслительной деятельности, но и в том, что установку на философствование, метафизическое осмысление темы или отдельной проблемы получили и читатели. Соответственно эта установка во многом стала определять как современную поэтику, саму жизнь стиха, так и особенности его восприятия. Тогда «поэзия мысли» обрела конкретные рамки, превратилась в поэтическую программу, выразилась не в единичных произведениях с философским содержанием, а в серии художественных текстов, объединённых особой теоретической установкой, которые стали прочитываться под определённым углом зрения. Постепенно возникла тенденция, обусловившая особенность целой литературной эпохи, когда даже внешне нефилософские произведения стали восприниматься по-новому, обретали дополнительное метафизическое звучание.

Очевидно, что одним из ключевых признаков философской поэзии является её опора на определённую систему взглядов, а потому выражаемые в ней мысли концептуальны, монументальны, в некоторой степени догматичны. Они, как правило, однолинейны, развиваются в заданном направлении, имеют ясную формулировку. Характер философской концепции диктует и преобладающий эмоциональный фон. Эту черту можно обнаружить в поэзии и Д.В. Веневитинова, и А.С. Хомякова, и С.П. Шевырёва, а позже у Ф.И. Тютчева¹⁰ и В.С. Соловьёва.

Некоторые учёные считают совмещение в рамках человеческого сознания чисто рационалистической и поэтической стихий малопродуктивным, препятствующим выражению автор-

ского «я» в полной степени, доступным не всем. Так, говоря о литературной деятельности А.С. Хомякова, Е.А. Маймин делал следующее заключение: «Он старался быть философом в поэзии и – ещё больше – поэтом в философии. Однако самого важного и самого трудного – равномерности в соединении двух начал – ему достичь так и не удалось. В стихах он был больше, чем нужно, рационалист, систематик; в науке и философии – меньше систематик, чем нужно, и больше поэт. В его стихах сплошь и рядом недоставало свободы, непосредственности, естественной простоты. В его прозаических композициях, напротив, много свободы, полёта воображения и мысли...» [3, с. 77]. Мы, напротив, считаем такое соединение весьма оригинальным и даже необходимым, если иметь в виду именно философскую лирику. Другое дело, что философская лирика, действительно, требует особого таланта. Философская заданность стихотворения вызывает необходимость филигранной поэтической отделки. Иначе возникает опасность неестественности хода поэтической мысли, математической расчленённости композиции, выпячивания собственно авторского задания, как это случалось порой в творчестве, например, С.П. Шевырёва. Именно об этом, на наш взгляд, говорил авторитетнейший в области литературы современник поэтов-любимудров В.Г. Белинский¹¹, имевший тончайшее эстетическое чутьё: «...цель вредит поэзии; притом же, назначив себе... высокую цель, надо обладать и великими средствами, чтобы её достойно выполнить...» [10, с. 78]. Впрочем, в истории русской литературы бывали примеры, когда поэты-философы не имели чётко сформулированной концепции. Так, Ф.И. Тютчев, испытав сильное воздействие философии Шеллинга, никогда не являлся последовательным сторонником этой философской доктрины, был вполне свободен в творчестве, в своих ощущениях связи человека с природой, мировой жизнью. Недаром И.С. Аксаков отмечал у него «во всём и всюду дыхание мысли, глубокой, тонкой, оригинальной, по существу своему нередко отвлечённой, но всегда согретой сердцем и поэтически воплощённой в цельный, соответственный образ» [11, с. 119].

Поэтические темы и мотивы в философской лирике любимудров являлись частью цельного мирозерцания, концепции, поэтому порой они поддавались комментарию тезисами из философской программы автора (иногда привлекался автокомментарий). Философская заданность, установка на философскую тему отражалась уже в названиях их стихотворений (например, у С.П. Шевырёва: «Мудрость», «Беспредель-

ность», «Мысль»). Следствием этого стала размытость индивидуальности лирического героя, обобщённость его образа, отвлечённость психологизма, подчиняющегося логике развития философской мысли.

Кроме теоретической установки, философская лирика определяется ориентацией на определенный круг тем – жизнь природы, бытие человека, творчество как сфера возможного проникновения в тайны вселенной, судьба человечества и мира – и подчинённостью художественной формы этому содержанию. В.В. Кожин, анализируя русскую философскую лирику первой половины XIX века, выделил следующие ключевые для неё темы: 1) воплощение противоречивости пространства и времени, отражение их «стыков», моментов переходов и переломов, вообще двойственности бытия («31 декабря» С.П. Шевырёва, «Иная жизнь» Ф.И. Глинки); 2) человек и природа (одухотворение природных сил и космизм) («Прекрасный день» С.П. Шевырёва, «Вечер» П.А. Вяземского); 3) отрицание современного общества («Теперь и будет» Ф.И. Глинки, «Ночью на железной дороге» П.А. Вяземского); 4) будущее, предчувствие трагических испытаний, переворотов, катаклизмов («Две дороги» Ф.И. Глинки); 5) антииндивидуализм («7 ноября» А.С. Хомякова); 6) жизнь человека и мира («Минуты просветленья» Ф.И. Глинки)¹².

Для философской лирики характерны определённые жанровые формы – преимущественно те, которые предрасположены к изложению более или менее развёрнутых суждений. Композиция лирического произведения на философскую тему также, как правило, особая – трёхчастная. Она характерна для размышления, отражает законы логики. «Триединство, – писал Е.А. Маймин, – признак, характерный не вообще для той или иной поэтической индивидуальности, но преимущественно для тех поэтов, которым особенно близка общеполитическая постановка вопросов человеческого существования и которые творчеством своим принадлежат к так называемому философскому направлению в поэзии. Ведь не случайно трёхчастные композиции одинаково характерны для поэтов-философов Веневитинова и Тютчева» [12, с. 103].

Итак, на наш взгляд, следует различать философичную (философскую в узком смысле) и собственно философскую лирику (философскую в широком смысле). Философская лирика – это поэзия мысли, где каждая лирическая миниатюра обретает законченность и глубокую многозначительность благодаря концептуальности авторской философской системы, единому видению мира и места в нём природы, личности,

общества и поэта-творца. Философская лирика рождается благодаря не только философскому содержанию, но и особой установке сознания поэта, определяющей направленность и характер его художественных поисков, настроения.

Основными различиями философской и философичной лирики следует считать:

- заданность поэтических идей (философский замысел), определяемость художественного мышления некой концепцией *и* непосредственность, свободу выражения чувств и мыслей;

- определённую догматичность мысли, её проверенность, а потому категоричность *и* зыбкость, подвижность мысли, которая рождается здесь и сейчас;

- монументальность рассуждений *и* их лёгкость, живость, непосредственность;

- однолинейность, однозначность мысли, часто ведущей к дидактизму, *и* несводимость мысли к одному понятию, её относительную неясность, незавершённость, побуждающую читателя к раздумьям, самостоятельному размышлению (смысловое многообразие, открывающее всю полноту и бесконечность мысли¹³);

- обнажённость мысли *и* соединение мысли с чувством;

- соотнесённость лирического героя с человечеством *и* большую конкретность лирического героя-личности;

- обобщённый, отвлечённый¹⁴ *и* непосредственный, живой психологизм;

- формирование основного эмоционального фона в зависимости от обстоятельств жизни, выстроенных в соответствии с определённой концепцией, *и* необязательность, переменчивость фона и ситуаций, которые не всегда ведут к определённому выражению мысли и особому эмоциональному настрою;

- расширение времени до вечности, а пространства до вселенной *и* точность времени и пространства;

- заданность тематического круга *и* многообразие тематики, поэтических конструкций, выражающих одну и ту же тему¹⁵;

- определённая жанровая диапозона (выбираются жанры, предрасположенные к выражению мыслительного процесса – например, ода, послание и др.¹⁶) *и* использование свободных поэтических форм – стихотворений-признаний, философичность которых определяет их внутренняя составляющая.

В.С. Соловьёв относился к той группе поэтов, которые по характеру своего дара органично сочетали в своём сознании рациональное и эмоциональное начала в относительном равновесии, а в своей художественной практике

часто признавали главенство первого компонента. Он сознательно выстраивал свою поэзию мысли, правда, обладал при этом тончайшим эстетическим чутьём, которое позволяло не нарушать гармонию и сохранять собственно художественную составляющую в оптимальном соотношении с философской. Предположим, что именно поэтому Соловьёв довольно длительное время был не уверен в природе своего поэтического дарования, ведь по его глубочайшему убеждению, истинная поэзия должна была быть, подобно пушкинской или фетовской, интуитивной, вдохновенной, основанной на реализации авторских чувств и эмоций, а не «головной».

Конечно, стихотворения Соловьёва создавались не как рационалистические философские конструкции, где суждения представлялись в виде прямых тезисов, не как иллюстрации мысли художественными образами. Он стремился к свободному, естественному выражению художественной идеи, вводил её органически и нераздельно в ткань произведения, поэтому не всегда понятия поэтические соответствовали у него понятиям философским¹⁷. Лирику подобного рода Соловьёв называл поэзией «гармонической мысли», относил к ней творчество Ф.И. Тютчева и А.К. Толстого¹⁸ и ставил её в 1890-е годы даже выше «органической» поэзии А.С. Пушкина. Вместе с тем он не мыслил поэзии вне Красоты, которую осознал как первичную в лирике, не способной выстраиваться только на метафизике. В то же время для него эта категория была равнозначна Истине, носителем которой, очевидно, должен быть философ: «Красота уже сама по себе находится в должном соотношении с истиной и добром, как их осязательное проявление» [13, с. 228]. Однако, на наш взгляд, вряд ли прав С.Н. Носов, выдвинувший гипотезу о художественном мышлении Соловьёва, которое будто бы подчиняло себе всё его творчество, включая философскую деятельность¹⁹. «...именно в традициях русской культуры с характерным для неё единением литературы и философии, слиянием художественных и философских исканий, – считает учёный, – Вл. Соловьёв стремился путём художественных „озарений“ постигнуть философские истины и отобразить их в эмоционально насыщенных и художественных по природе образах-символах» [14, с. 82]. Конечно, во многих поэтических и прозаических текстах Соловьёва (в том числе философских, публицистических, литературно-критических) встречаются отдельные размышления и выводы, которые подкрепляются не логикой, а развернутым художественным образом. Это даёт возможность воздействовать не на

рассудок, а на воображение читателя. «...В типичных стихотворениях нашего поэта, – пишет критик-философ, например, в статье о Я.П. Полонском, – самый процесс вдохновения, самый *переход* из обычной материальной и житейской среды в область поэтической истины *остаётся осязательным*: чувствуется как бы тот удар или толчок, тот взмах крыльев, который поднимает душу над землею» [15, с. 158]. Здесь в чисто рассудочные суждения проникает логика образного мышления, когда мотивировки становятся необязательными, а тезисы принимаются не по велению разума, а с учётом эстетических аргументов. Однако вместе с тем категория красоты, особенно для позднего Соловьёва, полемизировавшего с представителями модернистского направления, была не столь однозначна. Он признавал, что «не всё действительно поэтическое – значит, прекрасное – будет тем самым содержательно и полезно в лучшем смысле этого слова» [13, с. 228]. В этой связи в последние годы жизни Соловьёв подчёркивал особую важность рассудочно-этического авторского начала в поэзии.

Итак, лирику Соловьёва можно признать философской и в узком, и в широком смыслах. В.С. Баевский считал это «случаем единственным в истории русской культуры» [16, с. 182]. Обстоятельства, когда профессиональный философ стал поэтом, в отечественной лирике XIX века, действительно, уникальны. Во многих стихах Соловьёва, так же как и в произведениях Любомудров, Ф.И. Тютчева, заметна установка на сознательную мысль. Если рассматривать его лирику в целом, заметна её зависимость от особой философской концепции, получившей название философии «всеединства». Однако не следует забывать и о поэтической концепции Соловьёва, сложившейся уже к началу 1890-х годов. Для него лирическое творчество было высшей сферой искусства, чуждой разумности, иррациональной, субъективной и вместе с тем общечеловечной. Всё это следует учитывать при характеристике его философской лирики, базирующейся на твёрдой эстетической основе²⁰.

Лучшие произведения философской лирики Соловьёва близки тютчевской поэзии в плане равновесия, гармоничности мыслительного и художественного элементов. В отличие от поэзии Любомудров, для него не характерна ограниченность, замкнутость тематики; достаточно широк и жанровый диапазон его лирики. Наконец, поэзия Соловьёва отличается «универсальностью»: в ней пласт «серьёзной» философской поэзии дополняется шуточной, вносящей в его поэтический мир самые разнообразные мотивы и

жанровые вариации, предоставляющей «возможность для максимального самовыражения, полного проявления его иронического мировосприятия» [17, с. 38]. Кроме того, особой областью поэтического творчества Соловьёва были переводы, по своему содержанию и поэтике выходящие далеко за границы философской лирики²¹.

Таким образом, феномен философской лирики зародился в отечественной литературе в 1820–1830-е годы и был связан с поэтической деятельностью Любомудров. На протяжении XIX столетия он постепенно оформлялся и дал высший образец художественного философствования в творчестве Ф.И. Тютчева. К концу XIX века русская философская лирика пережила значимые трансформации. В творчестве философа-поэта В.С. Соловьёва были открыты новые темы и жанровые формы художественного выражения мысли. Впервые на русской почве основой для поэтического творчества явилась оригинальная философская концепция отечественного автора. Теоретические суждения и художественная практика философа-поэта В.С. Соловьёва стали связующим звеном между идейными и творческими исканиями сразу нескольких поколений художников слова, между литературными эпохами золотого и Серебряного века, отмеченного особой склонностью к метафизическим раздумьям, в русской лирике.

Примечания

1. «Поэзия может быть, и у Соловьёва она и была, недоказуемую философию, „метафизикою“» [18, с. 193].
2. См. работы Лахтиной [19], Минц [20], Магомедовой [21].
3. См. работу Шмониной [22] и др.
4. Как равнозначный встречается термин «интеллектуальная поэзия» [23, с. 127]. В последние годы в науке особо активно обсуждается проблема соотносительности философской лирики и философии (работы В.В. Агеносова, А.И. Столетова, О.В. Поповой и др.). Общими чертами этих видов человеческого творчества А.И. Столетов называет отвлечённость языка, внимание к деталям, авторскую позицию внаходимости, а индивидуальными чертами – нацеленность на поиск истины, аналитический метод познания философии и настроенность на взаимодействие с миром, интуитивный метод лирики [24, с. 19–22]. О.В. Попова считает основаниями для выделения философского произведения универсальность темы, актуальность проблематики, воплощение философской мысли образным языком [25, с. 106–107]. Однако ряд аспектов в решении проблемы природы философской лирики до сих пор остаётся спорным. Например, дальнейшего обсуждения, очевидно, требует мнение, что философская поэзия является осо-

бым метажанром (позиция В.В. Агеносова [26], И.Н. Сиземской [27] и др.).

5. См., например: Липич Т.И. и Липич В.В. [28]; Пятаева А.В. [29]; Малокова Л.Н. [30].

6. Об этом в своё время говорил И.Ф. Анненский: «Играя в термины, мы не раз за последние годы заставляли поэтов делаться философами. При этом речь шла вовсе не о Леопарди или Аккерман, не о Гюйо или Вл. Соловьёве, а философическим находили, например, Фета и едва ли даже не Полонского... В лирике действуют другие определители и ею управляют другие цели, к философии не применимые. Самый же эстетизм едва ли может называться миропониманием, по крайней мере философским» [31, с. 107–108].

7. «Баратынский, – писала И.Л. Альми, – остается философским поэтом и тогда, когда рисует мир „чувственных“ искусств. Философичность – доминанта его стиля в целом, качество, определяющее не только образность, но и композицию, и само „содержание“, характер поэтической идеи. Главная мысль его произведения вырастает из глубочайшего пласта общефилософских раздумий; она связана с теориями, занимавшими современников поэта...» [32, с. 111–112]. Соотнеся творчество Баратынского с философской лирикой, Ю.В. Манн отмечал, что в творчестве поэта «все главные признаки этого явления налицо: стихи часто строятся как последовательная цепь размышлений; автор приводит доводы, аргументы, он анализирует создавшуюся ситуацию... многие произведения Баратынского посвящены коренным вопросам бытия: жизнь и смерть, судьба искусства, будущее человечества» [33, с. 198–199].

8. Мнение И. Аксакова было выражено, в частности, в его биографическом очерке о Тютчеве [34, с. 130–131].

9. Тютчевская традиция в лирике Соловьёва была исследована в работах Д.В. Силаковой [35], М. Шмоной [36] и др.

10. В.В. Кожин считал Ф.И. Тютчева главой целой поэтической школы, совместившей лирику с философией, и включал в неё Ф.Н. Глинку, П.А. Вяземского, С.П. Шевырёва, А.С. Хомякова, которые в 1840–50-е годы разделяли идеи славянофильства и создавали произведения философского, философско-политического и религиозно-философского содержания [37, с. 374–376.]. О специфике философской лирики Ф.И. Тютчева в разное время писали В.А. Грехнев [38], О.В. Попова [39], Н.Г. Кириенко [40] и др.

11. В обзоре «Русская литература в 1844 году» В.Г. Белинский достаточно жёстко оценил поэзию А.С. Хомякова, назвав этого автора «поэтом с поддельным дарованием», который умеет «слагать громкие слова во фразистые стопы», но подменяет естественный дар «софизмами ума и чувства» и «одевает в мнимо-поэтическую форму» собственную славянофильскую мысль. Критик писал: «Прежде чем быть лириком, надо быть поэтом. Лиризм ещё больше, нежели всякий другой род поэзии, основывается на непосредственности тёплого сердечного чувства и не терпит холодных головных чувств, которые выдаются за мысли, но которые, в сущности, так же относятся к мыслям, как ум к ум-

ничанью...щеголеватость к изяществу» [41, т. 8, с. 466].

12. См. об этом в работе Кожина В.В. [37, с. 378–385].

13. С.П. Шевырев, например, писал о А.С. Пушкине: «Эскиз был стихиею неудержного Пушкина: строгость и полнота формы, доведённой им до высшего совершенства, которую он и унёс с собою, как свою тайну, и всегда неполнота и неоконченность идеи в целом – вот его существенные признаки» [42, ч. 12, с. 316]. В этом отношении показательным и знаменитым суждением А.С. Пушкина о П.А. Вяземском, которого некоторые исследователи его творчества относят к поэтам-философам: «Твои стихи... слишком умны. – А поэзия, прости господи, должна быть глуповата...» [43, с. 232]. Пушкин имел здесь в виду, видимо, как раз «природную» живость, органическую цельность стихотворения, в котором не должна открыто проявляться преднамеренность и осознанность.

14. Е.А. Маймин, приводя в пример психологизм Ф.И. Тютчева, отмечал его близость философии вследствие обобщенного характера: «Тютчев говорит, как правило, не о психологии конкретного человека и конкретного случая, а о возможной психологии всякой человеческой души. Это особенный, непущинский путь психологизма в русской поэзии...» [3, с. 162].

15. Воплощение одной и той же темы у поэта-философа и поэта философствующего будет различным. Это очевидно при сравнении «ночной» лирики М.Ю. Лермонтова и, например, Е.А. Баратынского. Лермонтовскую лирику делает философичной его лирический герой, исповедь которого всегда соотносится с вечными проблемами бытия, с общей психологией человека. Но при всей философичности произведений поэта, чувства и эмоционально окрашенные картины преобладают у него над мыслями. Напротив, в философской лирике Е.А. Баратынского наблюдается постоянное и целенаправленное проникновение в неё мысли. Разница между философской и философствующей лирикой видна и при сопоставлении тематически близких стихотворений В.С. Соловьёва и А.А. Фета [44].

16. Этот критерий, впрочем, характерен более для ранней русской философской лирики. Так, в философской поэзии первой половины XIX века В.В. Кожин справедливо отмечал тяготение к «стихотворным изложениям той или иной мысли» – стихотворным трактатам, переложениям псалмов и библейских текстов, политическим и литературно-полемическим стихам. Однако уже у Ф.И. Тютчева данная жанровая сжатость преодолевается. Большой художественный талант этого автора отражается и на трансформации стиля «поэзии мысли», который на раннем этапе отличали «стилевые диссонансы»: чрезмерная метафоричность, жёсткость и неточность слога, резкие светотени, причудливые формы [37, с. 377].

17. В этом ключе следует, на наш взгляд, рассматривать художественный образ Вечной Женственности в поэтических и драматургических текстах Соловьёва, порой ощутимо далёкий от аналогичного понятия из его философской системы.

18. Предтечами поэзии «гармонической мысли» он считал Е.А. Баратынского и М.Ю. Лермонтова, поэтов «разочарования», впервые в русской лирике поставивших глобальные вопросы бытия и возбудивших мыслью ряд противоречий [45, с. 126].
19. С.М. Соловьёв, обобщивший наблюдения людей, хорошо знавших его дядю, утверждал: «Соловьёв по природе был прежде всего философ...» [46, с. 7].
20. Об этом см. в работе Н. Юриной [6, с. 22–55].
21. См. об этом в работе Н. Юриной [47].

Список литературы

1. Мочульский К. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: Республика, 1995. 607 с.
2. Крылов В.Н. Критика и критики в зеркале Серебряного века. М.: Флинта: Наука, 2014. 344 с.
3. Маймин Е.А. Русская философская поэзия. Поэты-любомудры, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев. М.: Наука, 1973. 190 с.
4. Маймин Е.А. О русском романтизме. М.: Просвещение, 1975. 239 с.
5. Рудакова С.В. «Всё мысль да мысль! Художник бедный слова...» как концептуальное произведение Е.А. Баратынского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 5 (1). С. 276–281.
6. Юрина Н.Г. Литературно-критическая концепция В.С. Соловьёва: истоки, становление, развитие: монография. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. 280 с.
7. Одоевский В.Ф. Отрывок из Словаря Истории Философии // Мнемозина. 1825. Ч. 4. С. 160–192.
8. Веневитинов Д.В. О состоянии просвещения в России // Веневитинов Д.В. Избранное. М., 1956. С. 209–213.
9. Веневитинов Д.В. Разбор статьи о «Евгении Онегине» // Веневитинов Д.В. Избранное. М., 1956. С. 183–189.
10. Белинский В.Г. Литературные мечтания // Полное собрание сочинений: В 13 т. М.–Л., 1953. Т. 1. С. 20–104.
11. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 406 с.
12. Маймин Е.А. Д. Веневитинов «Поэт и друг» // Поэтический строй русской лирики / Отв. ред. Г.М. Фридендер. Л., 1973. С. 96–107.
13. Соловьёв В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьёв В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 223–273.
14. Носов С.Н. Лики творчества Владимира Соловьёва. С приложением «Краткой повести об Антихристе». СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 288 с.
15. Соловьёв В.С. Поэзия Я.П. Полонского // Соловьёв В.С. Литературная критика М., 1990. С. 155–177.
16. Баевский В.С. История русской поэзии: 1730–1980 гг. Компендиум. Смоленск: Русич, 1994. 304 с.
17. Юрина Н.Г. Жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьёва // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2014. № 1. Т. 1. Филология. С. 30–39.
18. Розанов В.В. Памяти Соловьёва // Вл. Соловьёв: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Соловьёва в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. I. СПб., 2000. С. 190–195.
19. Лахтина Ж.И. Философская лирика Владимира Соловьёва // Вопросы художественного метода, жанра и характера в русской литературе XVIII–XIX веков: Сб. ст. М., 1975. С. 245–275.
20. Минц З.Г. Владимир Соловьёв – поэт // Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 5–56.
21. Магомедова Д.М. Владимир Соловьёв // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. М., 2000. С. 732–778.
22. Шмоница М. «Тютчевский» пласт в лирике Вл. Соловьёва // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 1999. № 10. С. 70–78.
23. Усок И.Е. Философская поэзия любомудров // К истории русского романтизма / Ред. кол.: Ю.В. Манн, И.Г. Неупокоева, У.Р. Фохт. М., 1973. С. 107–128.
24. Столетов А.И. Философия и поэзия: точки пересечения // Вестник ТГПУ. 2007. Вып. 11 (74). Сер.: Гуманитарные науки (Философия). С. 18–23.
25. Попова О.В. К вопросу о критериях выделения философской поэзии // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11. № 1. С. 102–107.
26. Агеносов В.В. О понятии философского мета-жанра в литературе // Русский Харбин, запечатлённый в слове: Сб. ст. Благовещенск, 2012. С. 42–61.
27. Сиземская И.Н. Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца» // Поэзия как жанр русской философии / Сост. И.Н. Сиземская. М., 2007. С. 5–28.
28. Липич Т.И., Липич В.В. Русская философская поэзия первой половины XIX века как форма познания сущности бытия и человека // Философские, культурологические и социально-исторические проблемы общественных наук. Орел, 2009. С. 50–56.
29. Пятаева А.В. И.И. Козлов и поэзия русского любомудрия // Известия ВГПУ. Сер. Филологические науки. 2007. № 2 (20). С. 116–120.
30. Малокова Л.Н. Русская философская лирика: генезис, проблематика, поэтика (1950–1990-е гг.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Таганрог: [Б. и.], 2001. 42 с.
31. Анненский И.Ф. Книги отражений М.: Наука, 1979. 680 с.
32. Альми И.Л. Е. Баратынский «Все мысль да мысль!...» // Поэтический строй русской лирики / Отв. ред. Г.М. Фридендер. Л., 1973. С. 108–121.
33. Манн Ю.В. Русская литература XIX века: Эпоха романтизма. М.: Аспект Пресс, 2001. 447 с.
34. Аксаков И.С. Ф.И. Тютчев. Биографический очерк. М.: Тип. Готье, 1874. 406 с.
35. Силакова Д.В. К вопросу о трактовке Ф.И. Тютчева В.С. Соловьёвым (На материале статьи «Ф.И. Тютчев») // Писатель, творчество: современное восприятие: Сб. ст. Курск, 1998. С. 3–19.

36. Шмони́на М. Функция тютчевских реминисценций в лирике Вл. Соловьёва // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2000. № 11. С. 64–70.
37. Кожинoв В.В. О «тютчевской» школе в русской лирике (1830–1860-е годы) // К истории русского романтизма. М., 1973. С. 345–385.
38. Грѣхнев В.А. Время в композиции стихотворений Тютчева // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1973. Т. XXXII. Вып. 6. С. 481–493.
39. Попова О.В. Картина мира в философской лирике II половины XIX века // Вестник МГТУ. 2006. Т. 9. № 1. С. 88–95.
40. Кириенко Н.Г. Поэзия Ф.И. Тютчева и философия немецкого романтизма // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 8 (98). С. 42–47.
41. Белинский В.Г. Русская литература в 1844 году // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1955. Т. 8.
42. Шевырев С.П. Перечень наблюдателя // Московский наблюдатель. 1837. Ч. 12. С. 311–326.
43. Пушкин А.С. Письмо П.А. Вяземскому, не позднее 24 мая 1826 г. // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. М., 1962. Т. 9. С. 231–232.
44. Глушкова М.А. «Нездешнее» Владимира Соловьёва и «невывразимое» Афанасия Фета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 32–36.
45. Соловьёв В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Соловьёв В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 122–143.
46. Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. 431 с.
47. Юрина Н.Г. Стихотворение В.С. Соловьёва «На мотив из Мицкевича» в переводческой практике поэта // Перевод в меняющемся мире / Редкол.: Буренина Н.В. и др. М., 2015. С. 155–159.

SPECIFIC FEATURES OF THE RUSSIAN 19TH-CENTURY PHILOSOPHICAL LYRICS: FROM LYUBOMUDRY TO VLADIMIR SOLOVYOV

N.G. Yurina

This article examines the phenomenon of Russian philosophical poetry of the 19th century. Its principles at the stage of formation and their reflection in the lyrics of the leading poet-philosopher of the last quarter of the nineteenth century V.S. Solovyov are considered. After analyzing the literary material, the author comes to some conclusions: firstly, philosophical lyrical poetry is fundamentally different from philosophizing lyrical poetry (philosophical in a strict sense); secondly, the literary phenomenon of philosophical lyrics was finalized in the Russian literature of the 1820s-1830s and was associated with the poetic work of Lyubomudry, thirdly, the works of the poet-philosopher F.I. Tyutchev and the poet-philosopher V.S. Solovyov became vivid examples of philosophizing in poetry, and, finally, the work of the latter author, who largely expanded the genre and thematic range of his predecessors' lyrics, marked the transition between the metaphysical reflections in the poetry of the 19th and the 20th centuries. The research was based on the use of comparative-historical and typological methods.

Keywords: philosophical lyrics, philosophizing lyrics, Lyubomudry, V.S. Solovyov, F.I. Tyutchev, poetic tradition.

References

1. Mochul'skij K. Gogol'. Solov'yov. Dostoevskij. M.: Respublika, 1995. 607 s.
2. Krylov V.N. Kritika i kritiki v zerkale Serebryanogo veka. M.: Flinta: Nauka, 2014. 344 s.
3. Majmin E.A. Russkaya filosofskaya poehziya. Poehy-lyubomudry, A.S. Pushkin, F.I. Tyutchev. M.: Nauka, 1973. 190 s.
4. Majmin E.A. O russkom romantizme. M.: Prosveshchenie, 1975. 239 s.
5. Rudakova S.V. «Vsyo mysl' da mysl'! Hudozhnik bednyj slova...» kak konceptual'noe proizvedenie E.A. Boratynskogo // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 5 (1). S. 276–281.
6. Yurina N.G. Literaturno-kriticheskaya koncepciya V.S. Solov'yova: istoki, stanovlenie, razvitie: monografiya. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2013. 280 s.
7. Odoevskij V.F. Otryvok iz Slovarya Istorii Filosofii // Mnemozina. 1825. Ch. 4. S. 160–192.
8. Venevitinov D.V. O sostoyanii prosveshcheniya v Rossii // Venevitinov D.V. Izbrannoe. M., 1956. S. 209–213.
9. Venevitinov D.V. Razbor stat'i o «Evgenii Onegine» // Venevitinov D.V. Izbrannoe. M., 1956. S. 183–189.
10. Belinskij V.G. Literaturnye mechtaniya // Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. M.–L., 1953. T. 1. S. 20–104.
11. Aksakov I.S. Biografiya Fedora Ivanovicha Tyutcheva. M.: Tip. M.G. Volchaninova, 1886. 406 s.
12. Majmin E.A. D. Venevitinov «Poet i drug» // Poeticheskij stroj russkoj liriki / Otv. red. G.M. Fridlender. L., 1973. S. 96–107.
13. Solov'yov V.S. Znachenie poehzii v stihotvorenyah Pushkina // Solov'yov V.S. Literaturnaya kritika. M., 1990. S. 223–273.
14. Nosov S.N. Liki tvorchestva Vladimira Solov'yova. S prilozheniem «Kratkoj povesti ob Antihriste». SPb.: Dmitrij Bulanin, 2008. 288 s.
15. Solov'yov V.S. Poehziya YA.P. Polonskogo // Solov'yov V.S. Literaturnaya kritika M., 1990. S. 155–177.
16. Baevskij V.S. Istoriya russkoj poehzii: 1730–1980 gg. Kompendium. Smolensk: Rusich, 1994. 304 s.
17. Yurina N.G. Zhanrovyy sostav shutochnoj liriki V.S. Solov'yova // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. 2014. № 1. T. 1. Filologiya. S. 30–39.

18. Rozanov V.V. Pamyati Solov'yova // VI. Solov'yov: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Solov'yova v ocnke russkikh myslitelej i issledovatelej. Antologiya. T. I. SPb., 2000. S. 190–195.
19. Lahtina Zh.I. Filosofskaya lirika Vladimira Solov'yova // Voprosy hudozhestvennogo metoda, zhanra i haraktera v russkoj literature XVIII–XIX vekov: Sb. st. M., 1975. S. 245–275.
20. Minc Z.G. Vladimir Solov'yov – poet // Solov'yov V.S. Stihotvoreniya i shutochnye p'esy. L., 1974. S. 5–56.
21. Magomedova D.M. Vladimir Solov'yov // Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-h godov). Kn. 1. M., 2000. S. 732–778.
22. Shmonina M. «Tyutchevskij» plast v lirike VI. Solov'yova // Russkaya filologiya. Sbornik nauchnyh rabot molodyh filologov. Tartu, 1999. № 10. S. 70–78.
23. Usok I.E. Filosofskaya poehziya lyubomudrov // K istorii russkogo romantizma / Red. kol.: Yu.V. Mann, I.G. Neupokoeva, U.R. Foht. M., 1973. S. 107–128.
24. Stoletov A.I. Filosofiya i poehziya: tochki persecheniya // Vestnik TGPU. 2007. Vyp. 11 (74). Ser.: Gumanitarnye nauki (Filosofiya). S. 18–23.
25. Popova O.V. K voprosu o kriteriyah vydeleniya filosofskoj poehzii // Vestnik MGTU. 2008. T. 11. № 1. S. 102–107.
26. Agenosov V.V. O ponyatii filosofskogo meta-zhanra v literature // Russkij Harbin, zapечатlyonnyj v slove: Sb. st. Blagoveshchensk, 2012. S. 42–61.
27. Sizemskaya I.N. Russkaya filosofiya i liricheskaya poehziya: «soglasie uma i serdca» // Poehziya kak zhanr russkoj filosofii / Sost. I.N. Sizemskaya. M., 2007. S. 5–28.
28. Lipich T.I., Lipich V.V. Russkaya filosofskaya poehziya pervoj poloviny XIX veka kak forma poznaniya sushchnosti bytiya i cheloveka // Filosofskie, kul'turologicheskie i social'no-istoricheskie problemy obshchestvennyh nauk. Orel, 2009. S. 50–56.
29. Pyataeva A.V. I.I. Kozlov i poehziya russkogo lyubomudriya // Izvestiya VGPU. Ser. Filologicheskie nauki. 2007. № 2 (20). S. 116–120.
30. Malyukova L.N. Russkaya filosofskaya lirika: genezis, problematika, poehtika (1950–1990-e gg.): Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Taganrog: [B. i.], 2001. 42 s.
31. Annenskij I.F. Knigi otrazhenij M.: Nauka, 1979. 680 c.
32. Al'mi I.L. E. Baratynskij «Vse mysl' da mysl'!..» // Pohticheskij stroj russkoj liriki / Otv. red. G.M. Fridlender. L., 1973. S. 108–121.
33. Mann Yu.V. Russkaya literatura XIX veka: Ehpoza romantizma. M.: Aspekt Press, 2001. 447 c.
34. Aksakov I.S. F.I. Tyutchev. Biograficheskij ocherk. M.: Tip. Got'e, 1874. 406 s.
35. Silakova D.V. K voprosu o traktovke F.I. Tyutcheva V.S. Solov'yovym (Na materiale stat'i «F.I. Tyutchev») // Pisatel', tvorchestvo: sovremennoe vospriyatye: Sb. st. Kursk, 1998. S. 3–19.
36. Shmonina M. Funkciya tyutchevskih reminiscencij v lirike VI. Solov'yova // Russkaya filologiya: Sbornik nauchnyh rabot molodyh filologov. Tartu, 2000. № 11. S. 64–70.
37. Kozhinov V.V. O «tyutchevskoj» shkole v russkoj lirike (1830–1860-e gody) // K istorii russkogo romantizma. M., 1973. S. 345–385.
38. Gryohnev V.A. Vremya v kompozicii stihotvorenij Tyutcheva // Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury iazyka. 1973. T. XXXII. Vyp. 6. S. 481–493.
39. Popova O.V. Kartina mira v filosofskoj lirike II poloviny XIX veka // Vestnik MGTU. 2006. T. 9. № 1. S. 88–95.
40. Kirienko N.G. Poehziya F.I. Tyutcheva i filosofiya nemeckogo romantizma // Vestnik TGPU. 2010. Vyp. 8 (98). S. 42–47.
41. Belinskij V.G. Russkaya literatura v 1844 godu // Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. M.: AN SSSR, 1955. T. 8.
42. Shevyrev S.P. Perechen' nablyudatelya // Moskovskij nablyudatel'. 1837. Ch. 12. S. 311–326.
43. Pushkin A.S. Pis'mo P.A. Vyazemskomu, ne pozdnee 24 maya 1826 g. // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij. V 10 t. M., 1962. T. 9. S. 231–232.
44. Glushkova M.A. «Nezdeshnee» Vladimira Solov'yova i «nevyrazimoe» Afanasiya Feta // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2009. № 6 (2). S. 32–36.
45. Solov'yov V.S. Poehziya gr. A.K. Tolstogo // Solov'yov V.S. Literaturnaya kritika. M., 1990. S. 122–143.
46. Solov'yov S.M. Vladimir Solov'yov: Zhizn' i tvorcheskaya ehvolyuciya. M.: Respublika, 1997. 431 s.
47. Yurina N.G. Stihotvorenie V.S. Solov'yova «Na motiv iz Mickevicha» v perevodcheskoj praktike poehhta // Perevod v menyayushchemsya mire / Redkol.: Burenina N.V. i dr. M., 2015. S. 155–159.